

Игорь Озеров

МЕТАМОРФОЗЫ

*три коротких рассказа
о неудачниках*

18+

Игорь Озеров
Метаморфозы. Три коротких
рассказа о неудачниках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67415763

SelfPub; 2022

Аннотация

Три коротких рассказа о неудачниках. Одним не везет в любви, другим – на работе, а некоторым не везет по жизни.

Игорь Озеров

Метаморфозы. Три коротких рассказа о неудачниках

Никогда не поздно умереть

Как только Стас закрыл за женой дверь, которая всегда уходила на работу на час раньше него, раздался телефонный звонок.

Станислав Антонович Башмачников работал заместителем директора по экономическим вопросам пассажирского автотранспортного предприятия. Работу свою он любил почти так же, как супругу.

Правда, когда двадцать лет назад из рук ректора института Стас получал свой вполне заслуженный красный диплом, то в глубине души представлял будущее совсем другим. Тогда он мечтал открыть собственное дело и видел себя успешным предпринимателем.

Но два его превосходных бизнес-проекта не принесли успеха, и он, разуверившись в своих способностях, устроился на работу в городское ПАТП младшим экономистом. Шли годы. Он медленно, но неуклонно поднимался по слу-

жебной лестнице. Теперь Станислав Антонович был незамеченным. Маршруты движения автобусов, трудоустройство всех сотрудников, от водителя до уборщицы, и даже меню в столовой – все требовало его утверждения.

Услышав утренний телефонный звонок, Стас вздрогнул. На экране высветился неизвестный номер. Ему всегда казалось, что в них таится какая-то скрытая угроза. Поэтому сначала он хотел сбросить вызов, но немного помедлив, прокашлялся и, придав голосу солидности, все-таки ответил.

– Слушаю вас.

– Выпроводил? – фамильярно спросил кто-то незнакомый.

– Извините... Вы о чем? – сразу растерявшись, пробормотал Станислав Антонович. – Представьтесь, пожалуйста.

– Какой же ты тоскливый, Стасик, – вздохнул собеседник. – Как твоя жена-красавица такого скучного зануду терпит?

Удивительно, но всего полчаса назад, глядя на жену, когда она расчесывала перед зеркалом длинные светлые волосы, Стас заметил, что ее попка в узкой красной юбке до сих пор выглядит крайне соблазнительно. Он обратил внимание, как жеманно она поджимает губы, проверяя, ровно ли нанесена помада. Как невинно и вместе с тем заманчиво хлопают ее ресницы, когда она смотрит, как лежит на них тушь. «Это лучшее, что случилось в моей жизни, – подумал он. – Это просто чудо, что со мной столько лет такая женщина».

– Это какой-то розыгрыш? – озадаченно спросил Стас. – Совсем не смешно.

Если бы в эту минуту, после такого откровенного телефонного хамства, он закончил разговор, то его дальнейшая жизнь могла сложиться иначе. Но нехарактерное для него любопытство помешало нажать на красную кнопку.

– Сейчас, Станислав Антонович, тебе будет совсем грустно, – сообщил неизвестный. – И чтобы ты не сомневался в серьезности момента и в том, что я знаю о тебе буквально все, перед тем как сообщить важную информацию, напомним некоторые подробности твоей жизни, – незнакомец неприятно хохотнул. – Первый раз в жизни ты занимался онанизмом в восьмом классе в своей ванной, глядя на постер Наоми Кэмпбелл на двери. А последний – вчера, точно в это же время, после того, как супруга ушла на работу.

– Кто вы, черт возьми? – взвизгнул экономист, не оспаривая информацию.

– Это неважно, – печально произнес собеседник. – Совсем неважно по сравнению с тем, что сегодня вечером твоя жизнь закончится. Жить тебе, Станислав Антонович, осталось чуть больше восьми часов. Постарайся использовать это время с толком...

Еще минуту Стас слушал короткие гудки, доносившиеся из телефона, пытаясь вспомнить, кто мог обладать информацией о его невинных забавах. Но чем дольше он размышлял, тем страшнее ему становилось. Потому что людей, которым

он мог это рассказать и тех, кто мог подсмотреть за его занятиями, не существовало. Как только он это понял, ноги у него подкосились, мгновенно став ватными, и он обессилено грохнулся на стул около кухонного стола. Голова кружилась так быстро, что он схватился рукой за затылок, надеясь, что она остановится.

«Это шутка. Просто угадали. Да и почему я должен умереть? Я здоров как бык...»

Стас не был алкоголиком. Никогда не курил. Правильно питался и почти каждый вечер ходил гулять в парк.

«Я же только вернулся из санатория. Сердце в идеальном состоянии. А ни от чего другого внезапно не умирают. Так что это чушь, – он подошел к зеркалу в прихожей, высунул язык, оттянул нижнее веко, точно не зная значение этих манипуляций, когда-то увиденных в каком-то фильме. – Только если несчастный случай... Но я всегда очень осмотрительный».

Жадно выпив остывший чай, он немного успокоился, решив, что это чья-то дурацкая шутка. Но на работу Стас решил все-таки сегодня не ходить. Он набрал номер директора и сказал, что приболел и останется дома.

– Да хоть месяц не появляйся. Сами справимся, – утешил начальник.

От его слов Станиславу Антоновичу стало немного обидно и досадно. Ведь он был уверен, что незаменим и без него ПАТП просто остановится. Это наполняло его жизнь смыс-

лом и баловало самолюбие так же, как красавица-жена. Задумавшись, Стас машинально поставил чайник на плиту, но зажечь огонь забыл.

«А что бы ты делал, если бы жить тебе и правда осталось восемь часов? – с усмешкой подумал он. – Ну уж точно не сидел бы дома в тоске и печали, – ответил он сам себе. – Значит надо развлечься».

Но как раз этого Стас делать не умел. Он поймал себя на мысли, что действительно часто бывал очень нудным. И сейчас, и в молодости. Не любил он шумные компании. Если и ходил на какие-то праздники, то сидел в сторонке, особо не выделяясь. Будущая жена так и нашла его спрятавшимся в уголке за шкафом на одной вечеринке. Он даже не успел ничего сообразить, как оказался в ЗАГСе. Как же счастлив Стас тогда был. Невзрачный, ни чем не примечательный парень смог привлечь яркую красавицу.

Станислав сейчас вспомнил, где произошла их первая встреча: в квартире у Геры Сазонова. «Вот к нему-то я сейчас и нагряну, – вдруг решил Стас. – Он наверняка дома. Никогда не работал. Художник... Всю жизнь бездельничает и живет непонятно на что. Так что будет рад моему визиту».

Через пять минут Станислав Антонович был уже на улице. Зашел в соседний магазин. Взял бутылку водки и разной закуски. Потом вернулся в винный отдел и прихватил еще пару бутылок пива.

Художник Гера жил недалеко, но с той вечеринки Стас у

него ни разу не был. Жизнь так закрутилась, что времени ни на что не оставалось. Вскоре после свадьбы родилась дочь, а через год еще одна. Работа, дом. Отпуск всей семьей. Никаких увлечений у него не было. Он не ходил на футбол, не ездил на рыбалку. Даже автомобили он не любил, поэтому за рулем почти всегда была его супруга.

Станислав Антонович поднялся на третий этаж и нажал на кнопку звонка. «Надо было бы его все-таки предупредить», – подумал он, когда за старой, обитой черным дерматином дверью послышались шаркающие шаги.

Почему-то Стас не подумал, что через двадцать с лишним лет он увидит совсем другого человека. На него с удивлением смотрел не худой длинноволосый задумчивый пацан, каким когда-то был Гера, а веселый румяный полненький мужичок с большими залысинами и дурацким хвостиком стянутых седых волос на затылке.

– Ста-а-ас? – удивленно протянул он. – Ничего себе! Какими судьбами? – Герман вскользь взглянул на пакет с продуктами и напитками. – Что ты мнешься на пороге? Заходи.

В квартире ничего не изменилось. Та же скучная мебель, тот же самодельный мольберт. Только у окна стоял большой, видимо, профессиональный принтер, на котором в этот момент что-то печаталось.

– Вот, решил навестить старого приятеля, – неуверенно сказал Стас. – Выпить, закусить, – быстро добавил он и, приподняв, показал пакет, пытаясь как-то оправдать свое появ-

ление без повода и приглашения.

– Отличная идея. Давно пора, – видя его замешательство, дружелюбно рассмеялся Гера. – Проходи. Только не испачкайся.

– А ты все рисуешь? – спросил Станислав, сделав пару шагов в комнату.

– Ну, не то чтобы рисую... Наука шагает вперед – мы, художники, теперь только краски заправляем, – он показал на принтер, – потом чуть подмазываем, подкрашиваем, вставляем в рамки и продаем ради хлеба насущного. От оригинала не отличишь. А пипл, как известно, хавает...

Через полчаса, когда неловкость после пары рюмок прошла, Стас рассказал об утреннем звонке.

– И ты что? Всерьез это принял? – удивился Герман. – Да сейчас полно мошенников, какая-нибудь новая схема. Забудь. Расскажи лучше о себе. Где работаешь? Женат?.. Я ведь помню, когда ты у меня последний раз был. Ты тогда с этой оторвой ушел. Как ее? Лена, Оля... Забыл как звали. Помню, что она пыталась меня, где ей местного мужика с квартирой найти. Я тогда на тебя показал.

У Станислава за несколько секунд сложился пазл, который он не мог собрать в своей голове много лет. Оказывается все просто. Будущая супруга выбрала его, потому что от рано умерших родителей у него осталась трехкомнатная квартира.

– У вас тогда что-нибудь получилось? – спросил Герман,

разливая еще по одной. – Трахалась она, кстати, как швейная машинка.

– Я на ней женился, – тихо произнес Станислав.

– Оба-на, – растерялся Гера, сообразив, что наболтал лишнего. – Молодец. Настоящий мужик, – он постарался быстро исправить ситуацию. – И дети есть?

– Да. Две дочки. Но они уже обе замужем, живут отдельно.

– Вот это правильно, – приятель протянул рюмку, чтобы чокнуться, – За детей! – Герман выпил и двумя толстыми пальцами вытащил кусок колбасной нарезки из целлофановой упаковки. – А я так все холостой и мучаюсь. Дети-то, наверное, тоже есть. Но мне о них неизвестно.

Он встал и включил музыку. Услышав старую знакомую мелодию, Стас подумал, что Гера так и не вынимал кассету из магнитофона с того самого вечера. Он посмотрел на потертый стул за шкафом, на котором тогда сидел.

«Конечно, у нее и до меня мужчины были, и я это знал, – успокоил он себя. – Зато теперь у меня милый уютный дом, а у него, как была какая-то вечно неубранная пещера, так и осталась». Он отрыл бутылку пива и прямо из горлышка сделал несколько больших глотков.

– Подожди. Давай я кружки принесу, – предложил Гера.

– Не-е, не надо. Так вкуснее.

Стас не пил пиво очень давно. Да и водку тоже. Иногда они брали с женой домой бутылку хорошего вина. Поэтому сейчас от такого коктейля быстро опьянел.

– Я тебе даже в чем-то завидую. Свободный человек, – Станислав дотянулся до магнитофона и сделал музыку погромче. – А я как электричка – еду по расписанию.

– Каждый сам выбирает то, что ему нравится, – пожал плечами Гера.

– Неужели тебя все это устраивает? – допивая пиво, спросил Стас, показав рукой на скромное убранство квартиры. – Это же, по сути, нищета.

Гера взглянул на него оценивающе, будто размышляя, стоит ли ему говорить или нет.

– Ну тут только два варианта. Или ехать вместе со всеми к конечной станции или сойти с поезда. Как ты точно сказал – с электрички, следующей по расписанию.

– А с неё можно сойти?

– Конечно. Увидел в окошко красивое место: луг с ромашками или рощу с речкой – отжимай ногой двери в тамбуре и выпрыгивай.

– А если разобьешься?

– Рано или поздно, но конец все равно один. А так хотя бы попытаешься пожить немного в собственной вселенной. Но есть один минус – для тех, кто остался в поезде, ты умираешь. Так что если тебе нравится кататься, в общем вагоне...

– Ну ты же тоже мечтал стать великим художником, – перебил его Стас, – и значит ехал вместе со всеми, соблюдая кем-то придуманные правила.

– Это раньше казалось, что в этом есть какой-то смысл.

Известность, поклонники, мечты о совершенном мире, идеи всякие... Маркс и Кампанелла. Все это чушь. Иллюзия и сладкий самообман. Ты прав: та же электричка с чужими правилами. Давай лучше еще по одной, – он разлил по рюмкам остатки водки. – Вот вечные ценности, – он достал из банки маринованный огурчик и показал им на бутылку и закуску. – Главное, чтобы они были рядом, под боком.

– Да. Раньше все было по-другому... – Стас решил сменить тему разговора. – Время было замечательное, – он раскачивался в кресле в такт музыки. – Возможности всякие, планы, новые встречи. А сейчас... Я ведь после того, как женился, почти никого и не видел. Вот бы всем собраться. Выпить, поплясать.

– А в чем проблема? Помнишь, тебе Людка нравилась, на пару лет младше нас училась.

Конечно Стас помнил свою первую любовь.

– А ты с ней поддерживаешь отношения? – стараясь не показывать охватившее его волнение, спросил он.

– Ага. Она же в соседнем подъезде живет. Два раза замужем была, но почти не изменилась. Все та же девочка, ждущая на причале кораблик с алыми парусами. Давай позволю? Она любит выпить-поболтать.

– Звони конечно, – обрадовался Станислав. – А что? Придет?

– Сейчас узнаем. Зачем гадать.

Гера достал из кармана телефон и вышел на кухню, при-

крыв за собой дверь. Через несколько минут он вернулся.

– Через полчаса будет, – доложил он. – Как узнала что ты здесь, чуть сознание не потеряла от радости, – художник чуть замялся. – Только это... Я сказал, что у нас вина много, а мы уже и водку допили.

– Понятно, понятно... Я сейчас. Мигом, – Стас вскочил с кресла и, похлопав себя по карманам, как молоденький петушок хлопает крыльями при виде симпатичной курочки, вылетел в коридор.

На свежем воздухе он сразу протрезвел. Его чувство к Людмиле было когда-то сильным и очень болезненным. Уже и она давно окончила школу, и он институт, но Стас все никак не мог на что-то решиться. Он вспомнил ее голубые с золотыми искорками глаза, всегда смотревшие на него насмешливо и одновременно с ожиданием, и вновь ощутил состояние робости, неуверенности, которое охватывало его всякий раз, когда она была рядом.

За несколько дней до неожиданной встречи со своей будущей женой он нашел смелость пригласить Люду в кафе, но она не пришла. Она, конечно, перезвонила, извинилась и попросила перенести это свидание на другой день. Но Стас больше не решился.

«Интересно, какая она сейчас? – подумал Станислав. – Гера сказал, что совсем не изменилась». Его жена бесспорно красавица, но в Людмиле было что-то особенное, от чего перехватывало дыхание и вырастали крылья.

Он уже закупил в магазине все что нужно и в нерешительности стоял на лестничной площадке около квартиры художника. Стас опять почувствовал такой же страх и волнение, что испытывал когда-то при встрече с Людмилой. Сначала зачесалось плечо, потом закололо в груди и стало очень жарко. Он стер со лба появившиеся капли пота и понял, что ничего не прошло. Опустив пакет с вином на пол около двери и нажав на кнопку звонка, Стас как в детстве бросился вниз, перепрыгивая по несколько ступенек.

Дома, чуть отдышавшись, он понял, какую глупость совершил. Ему стало стыдно. Чтобы как-то отвлечься, он набрал номер телефона дочери. Таня с мужем жила совсем рядом, но встречались они редко.

– Папка, не могу говорить, – услышал он в трубке, – на работе завал. Мы с мужем в субботу к вам заедем. Ты дашь нам немного денег? Он решил машину поменять...

А вторая дочь была далеко. В прошлом году уехала отдыхать в Турцию и там осталась. Сказала, что влюбилась в какого-то турка. Прислала фотографию и обещала приехать с ним на смотрины в Россию.

Задребезжал телефон.

– Ты уже дома? – спросила жена. – Я сегодня задержусь. Встречусь с подругой, поболтаем, может в кафе сходим. Буду поздно. Не жди. Ложись спать без меня.

Накатила тоска. Со всех фотографий на стене улыбалась любимая супруга. «Красивая жена – это как красивая маши-

на, – подумал он. – Ею можно гордиться, хвастаться совместными фотографиями в соцсетях. Но ездить лучше на машине попроще».

Одновременно с внезапно появившейся мыслью, что никакой любви у них никогда не было, Стас вспомнил про чей-то глупый утренний розыгрыш. Прошло почти восемь часов. Он с волнением отыскал в дальнем углу нижнего ящика письменного стола свою старую записную книжку. Быстро полистав, нашел в ней домашний телефон Германа.

– Слушай, Гера, извини, живот прихватило...

– Бывает.

– А можно я сейчас приду?

– Конечно приходи.

– Люда у тебя?

– Да-да... Ждем, когда ты вернешься. Беги быстрее.

Прежняя жизнь Станислава Антоновича закончилась ровно через восемь часов после утреннего звонка. На полном ходу, зажмурив глаза, он выскочил из электрички...

Солдат Миша – опора державы

Поначалу службу в армии Миша ненавидел. И было за что. Первый раз его побили, когда он еще только прощался с гражданской жизнью. В его же доме во время шумных ночных проводов Михаилу досталось от малознакомого сильно пьяного парня, непонятно как оказавшегося на их торжестве.

Обидным было то, что водкой его, как и всех остальных, поил Миша. Точнее его родители, потому что у него денег на это традиционное гулянье не было: после школы работать он так и не пошел, и целый год шлялся по улицам ничего не делая.

«Служба в армии – священный долг. А проводы туда – репетиция свадьбы, – сказал отец, снимая деньги со сберегательной книжки. – Все должно быть как у людей».

В обычной двухкомнатной квартире составили вместе несколько столов. У соседей нашли лавки, доски и стулья. Разместили, накормили и напоили человек шестьдесят.

Поэтому было вдвойне обидно получить в глаз без всякого повода, когда они вышли в подъезд покурить. Да еще от какого-то Васи, которого никто и не звал. От удара будущий солдат отлетел в угол лестничной площадки и только чудом не скатился по ступенькам вниз.

– Ты чё? Охренел? – прохрипел Миша, с трудом поднимаясь с заплеванного и забросанного окурками пола.

– Привыкай, салага, – рассмеялся пьяный гость. – Теперь тебе целый год битым ходить.

Как оказалось, Вася только вернулся из армии, где два года копал канавы в стройбате под Мурманском.

– Землячка побить, что на родине побыть, – добавил он, прикуривая новую сигарету. – Помогает тоску снять. Сам скоро поймешь.

Второй раз Мише крепко досталось в армейском пере-

сылном пункте. Поводом послужило отсутствие у него сигарет, которые срочно понадобились компании таких же, как он, призывников, но с другого района. Тогда было уже не так обидно, но очень больно. Мише показалось, что ему сломали ребро, и он обратился к дежурному офицеру с просьбой отправить его к врачу.

– Скоро в часть приедешь. В армии лечат хорошо и быстро. Любые болезни, – с непонятной ухмылкой ответил ему усталый старлей, дыхнув в лицо кислым перегаром. – Всю жизнь потом с благодарностью вспоминать будешь.

Утешил побитого Михаила незнакомый парень.

– Ты не расстраивайся, – прошептал тот, когда он вернулся от офицера в свой угол большого зала пересыльного пункта, – я этим гадам, которые тебя избивали, отомстил.

– Это как? – удивился Миша, с недоверием разглядывая щупленького парня.

– Они ходили у всех водку искали. А у меня была бутылка самогонки – батя положил в рюкзак на всякий случай. Так я сбегал в туалет, пробку открутил, вылил немного, а вместо этого туда помочился. Теперь они мою мочу пьют, – еле сдерживая приступы злорадного смеха, рассказал ему сосед.

– Может надо было спрятать получше или самим выпить?

– Не... Так интереснее.

Тот пьяный идиот Вася был прав. Первый год службы Мишу били часто. Не так чтобы сильно. Больше с целью уни-

зять, показать его место в армейской иерархии.

Но все рано или поздно кончается. Через год, после отбоя, его и еще десяток пацанов перевели в другой армейский ранг. Они стали «стариками». Традиционная процедура была болезненной. Мише помогли встать на перевернутую табуретку. С трудом удерживаясь руками и ногами на ее четырех ножках, он получил двенадцать ударов по жопе медной бляхой солдатского ремня. Били вроде в шутку и со смехом, но со всей силы. Поэтому кое-где кожа от ударов порвалась. Месяц после этого сидеть было больно. Но Мише еще повезло. Одному из бойцов бляха попала по мошонке. «Переведенного» парня утром, с разбухшим и посиневшим причинным местом, увезли в госпиталь.

После этого жизнь изменилась. Исчез страх, появляющийся в душе каждый день сразу после утреннего подъема. Служба стала легкой и даже приятной.

Теперь Миша не чистил сапоги старослужащим, не подшивал им воротнички. Он больше не боялся, что в столовой его поймают чужие дембеля и заставят мыть посуду. Его перестали посылать в солдатский «чипок» за сигаретами и газировкой. Он больше не ползал по ночам под кроватями под смех остальных, изображая танк на учениях.

А главное, что теперь все это он мог заставлять делать других солдат, которых призвали в армию позже его.

Офицеры в части появлялись лишь утром, делая все возможное, чтобы как можно быстрее сбежать домой к моло-

дым, любящим погулять и развлечься женам. Поэтому помешать старослужащим издеваться над молодыми бойцами никто не мог.

Месяц после «перевода» Михаил занимался этим почти круглые сутки. Считая бесконечные истязания недавно прибывших в часть ребят чуть ли не своей обязанностью. Ему нравилось видеть страх и безнадежность в глазах тех, с кем он мог делать практически все что угодно.

Первое время, когда он только привыкал к новым возможностям, Миша, как и остальные старослужащие, просто заставлял «молодых» постирать свою одежду, помыть полы, если сам был дневальным, или сделать что-нибудь в гараже при обслуживании техники.

Но потом этого ему стало мало. Солдатики выполняли его приказы беспрекословно и уже привычно, даже не считая свое положение чем-то ужасным. Это бесило. Ему нужно было не их подчинение, а их унижение. Поэтому после отбоя он устраивал дополнительные учения.

Самое простое, что им выпадало, был «техосмотр». Они должны были ползком или на четвереньках двигаться вокруг Миши, и по команде демонстрировать включение поворотника, стоп-сигналов, изображать звук работающего на разных оборотах двигателя, совершать всякие маневры.

Но больше всего ему нравилась «подготовка спецназа». Он приказывал выполнять придуманные им самим нелепые упражнения до тех пор, пока парни без сил не падали на пол.

Потом заставлял напрягать пресс и в это время бил их по животу древком от лопаты. Когда на глазах у них появлялись слезы, он устраивал поединки на выживание. Глядя, как плачущие ребята с разбитыми в кровь губами колошматят друг друга, Миша был самым счастливым человеком на Земле.

При этом он не считал себя мерзавцем, постоянно повторяя, что делает это для их же пользы. «Чтобы вы смогли, когда понадобится, защитить страну от любого врага».

Но в один прекрасный день издевательства закончились. Кто-то из молодых не выдержал и пожаловался старшине – прапорщику Максимчуку. Тот вызвал Мишу в каптерку и, не вступая в разговоры, заехал ему в челюсть. Пятьдесят пять Мишиных килограмм от удара ста сорока килограммового старшины улетели в угол к ящикам с мылом, по дороге расставшись с двумя передними зубами.

Через пятнадцать минут, когда он очнулся, Максимчук спросил его:

– Понял за что?

– Я же для них стараюсь, – вытирая кровь рукавом гимнастерки, чуть не плача, оправдывался Миша. – Вдруг завтра война.

– Дебил ты недоношенный, они же тебя первого и пристрелят, – старшина уже не так сильно отвесил ему подзатыльник для усвоения, – и правильно сделают.

На этом издевательства над молодыми бойцами закончились.

Прошел почти год. Мишина служба подходила к концу. Уже вышел приказ министра обороны, по которому он должен был отправиться домой. А чуть позже в часть прибыли совсем молодые новые солдатики. В их батарею приехали трое.

Миша лежал на койке, свесив на пол ноги в начищенных, пахнущих гуталином сапогах. Он с удовольствием разглядывал свой дембельский альбом с фотографиями. Мимо прошел один из новобранцев.

– Эй, боец, ко мне!

Наголо постриженный худосочный парень был, видимо, сильно простужен и шея у него была обмотана полотенцем. Он в нерешительности остановился у Мишиной койки.

– Ты бы еще шубу на себя напялил. Кто разрешил? Наберут в армию дебилов... Сними-ка с меня сапоги, – лениво произнес Миша.

Тот не двинулся с места.

– Че, оглох? – громко и презрительно выкрикнул дембель, шепелявя из-за выбитых старшиной зубов.

Молодой боец поправил повязку и ничего не ответил. Миша присел на кровати.

– Ты откуда такой борзый? Как фамилия?

– Умалатов.

– Татарин что ли?

– Табасаранец, – покашливая из-за простуды ответил парень.

– Какой-какой засранец?

– Табасаранец из Дагестана, – тихо добавил солдат.

Миша встал. Дагестанское землячество в части было очень большое и дружное. В землячествах не было деления на старослужащих и молодых. Поэтому, несмотря на то, что Миша был дембелем, на это никто бы не посмотрел. За обиду, нанесенную земляку, голову отвернули бы без сомнений. И другие приятели-старослужащие за него бы не вступились.

– Ладно... Хрен с тобой. Живи, – пряча нахлынувший испуг, сказал Миша и в развалку вышел из кубрика. По спине тек липкий пот, и ему вдруг стало так же страшно, как два года назад, когда он первый раз появился в казарме. Он подошел к дневальному. – Кто из молодых в расположении? – спросил он.

– Рядовой Остапенко, – отчеканил солдат.

– Откуда он? – на всякий случай спросил Миша.

– Из Москвы.

– Отлично. А я из Саранска. Почти земляки. Люблю москвичей. Крикни, чтобы сюда шел.

Мише необходимо было срочно самоутвердиться в собственных глазах. Он вспомнил ту дурацкую поговорку: «Земляка побить, что на родине побить».

– Будет ускоренные курсы «спецназа» проходить, – бросил он дневальному. – Мне скоро домой, а боеготовность на нуле. А ведь мы главная опора державы.

Недолгое счастье Макара Олеговича

– Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор, – объявил собравшимся Председатель правления компании «Технологии и прогресс» Антон Антонович Прикроватный – серьезный и уверенный в себе крупный мужчина лет пятидесяти пяти. После этого заявления он многозначительно потряс каким-то конвертом, который держал за уголок толстыми короткими пальцами.

– То-то мне сегодня крысы снились, – суетливо скороговоркой выпалил сидящий рядом с ним, похожий на испуганного суслика, специально прилетевший на это совещание из Лондона бывший карточный шулер, а теперь генеральный секретарь фирмы Михаил Самуэлевич Наигалов. – Я предлагаю немедленно все бросить и сматываться отсюда пока не поздно.

– Ну, бросать-то, конечно, не надо. Зачем забивать корову, которая дает столько молока? – мягким низким голосом возразил третий из собравшихся владельцев – Борис Гаврилович Баба. Из-за длинных черных волос, очень большого живота и любви к шелковым белым шарфикам друзья его звали Паваротти. – Бог нам дал шанс все это организовать, помог хорошо заработать, даст возможность и эту напасть преодолеть. Не первый раз проверяют. Есть у нас на них методы.

Он достал из внутреннего кармана пиджака красивый футляр, вынул из него курительную трубку и стал аккуратно набивать ее ароматным табаком, продолжая разговор.

– Помню, в 80-х я на Таганке в гастрономе, который у речки в скверике сразу за «Березкой», мясо рубил. Ходил к нам один принципиальный проверяющий. Ни денег не брал, ни водки не пил. Но как Аллочку из овощного отдела увидел, так и растаял. В Аллочке, кстати, уже тогда сто с лишним килограмм было. Сейчас побольше, но и масштаб другой: она теперь в Думе заседает. Так что на каждый хитрый болт найдется своя гайка...

Главный офис компании «Технологии и прогресс» находился в старинном купеческом особняке в тихом районе Замоскворечья. В большом зале с высокими узкими окнами от потолка до пола когда-то устраивали шумные балы разбогатевшие на поставках в российскую армию во время Первой мировой войны тухлого мяса, отсыревшего пороха и гнилого сукна для шинелей московские предприниматели. А сейчас за круглым столом сидели три владельца фирмы.

Фактически компания была государственной. Но бюджетные деньги и государственные заказы для нее поступали через них. Они же эти деньги, после некоторых манипуляций, переводили в тихие места, расположенные очень далеко от России.

– Старые методы, я боюсь, сейчас не сработают, – раздраженно бросив конверт на стол, задумчиво произнес Антон

Антонович. – Но у меня есть план на этот случай, – он нажал кнопку на селекторе, и через мгновение в чуть приоткрытую дверь просунулась голова его помощника.

– Вызывали? – сладким лакейским голосом спросил заглянувший.

– Приведи мне сюда, – Председатель несколько раз щелкнул пальцами, пытаясь вспомнить имя, – всегда забываю... Чехонь... эту.

– Будет сделано, – негромко, но с военной готовностью ответил человек, и дверь тихо закрылась.

– Какая чехонь? Зачем нам сейчас чехонь? – быстро переводя маленькие черные бусинки своих крысиных глаз с одного партнера на другого, спросил Михаил Самуэлевич. – Рыба к пиву, а раки к драке – нам сейчас не до пива и не до драки. Вот улетим отсюда и будем развлекаться.

– Не суетись под клиентом, Миша. Как говорила моя хорошая подруга. Чехонь – это не рыба, а Чехонь Макар Олегович – сотрудник нашей службы охраны.

– По инициалам получается ЧМО, – заметил Борис Гаврилович и, рассмеявшись, хлопнул своей полной ладонью по столу.

– И по жизни тоже чмо, – кивнул Председатель. – Я его здесь при себе специально выращивал. Такой фрукт вырос... Хотя нет – скорее овощ.

Макар Олегович не был ни овощем, ни фруктом. Хотя с

виду он был абсолютно невзрачным человеком, о внешности которого и сказать-то было нечего, в определенный момент своего жизненного пути офицер Чехонь был капитаном российской армии. Причем службу проходил в Главном разведывательном управлении Генштаба. Правда, не в боевом отделе, а в интендантах, но ведь каждая работа трудна и почетна.

Служил он хорошо до тех самых событий на юге страны, когда потребовалось вернуть Родине долг. Его отправили в командировку туда, где взрывались снаряды и стреляли автоматы. А шума Макар Олегович не любил. Поэтому написал рапорт об увольнении и, используя хороших знакомых, устроился в охранную фирму при одной мутной компании. Тогда она еще не называлась «Технологии и прогресс», но цель ее деятельности всегда была одной и той же – зарабатывать большие деньги, используя любые средства.

Новая работа была будто создана для него. Те задания, которые он выполнял, всегда проходили тихо и почти всегда тайно. Платили за это хорошо. К тому же Макар Олегович заметил, что один из фактических владельцев компании – Антон Антонович – относится к нему с большим вниманием. Председатель доверял ему некоторые очень личные поручения и всегда за их выполнение выплачивал хорошие премии.

Семьи и друзей у бывшего офицера не было. Друзей, потому что людей он не любил, завидуя всем и по любому поводу. А семьи не было, наверное, потому, что женщины без-

ошибочно чувствовали его болезненную скупость.

Единственного близкого человека – маму – он любил, но стеснялся. Она жила в небольшом поселке за Рязанью. Макар Олегович навещал ее, как только мог. Даже построил ей там в деревне новый дом, но она не хотела в него переезжать, оставаясь в старом. Мама в тайне еще надеялась, что сын возьмет ее к себе в Москву. Но Макар все откладывал, придумывая для оправдания разные предлоги. Она все понимала, но кивала головой, делая вид, что соглашается с его объяснениями.

Когда сегодня его вызвали в зал для совещаний, он удивился. Антон Антонович обычно приглашал его к себе в кабинет. Общались они наедине. А Макар Олегович знал, что еще утром в зале собрались все три компаньона, и это было необычным. Обычно здесь, в Москве, «на хозяйстве» был кто-то один, будто работали они в России вахтовым методом.

Сначала у него в голове промелькнула сладкая мысль о повышении. «А может и нет. И меня решили уволить», – через мгновение подумал он и так испугался этой мысли, что хотел повернуть и куда-нибудь спрятаться, но быстро взял себя в руки, успокоив тем, что в этом случае никаких подобных почестей ему бы не оказали, а просто уведомили бы через отдел кадров.

Помощник открыл перед ним высокую тяжелую дверь. Макар Олегович вошел и, сразу почувствовав на себе при-

стальные взгляды, понял, что три руководителя говорили о нем.

Действительно, пока совладельцы дожидались его прихода, Антон Антонович поделился с компаньонами своим планом. Ничего необычного в нем не было.

– На время проверки нам нужен зиц-председатель.

– Как в «Рогах и Копытах» у Остапа Бендера, – с улыбкой вспомнил Борис Гаврилович.

– Точно, – кивнул Председатель. – Человек, которого мы задним числом сделаем в нашей конторе главным. Чтобы, если что-то пойдет не так, на него можно было бы повесить все наши грехи. Я долго подбирал кандидатуру и, кажется, нашел то что нужно. Условий было два. Во-первых, чтобы нас не сдал. Значит, человек должен быть преданным, глупым и не очень разбирающимся в том, чем мы здесь занимаемся. А во-вторых, что бы его не было жалко.

– Ну, со вторым проблем вообще нет, – ерзая на стуле из-за обострившегося геморроя, перебил Михаил Самуэлевич. – С чего это нам должно быть кого-то жалко? Каждый сам по себе. Придумали сказку-отмазку: мы в ответе за тех, кого приручаем. Научись сначала о себе заботиться, а потом лезь других благодетельствовать. Кто этого не понимает, значит дурак. А дураков жалеть бессмысленно.

– Ты прав. Значит критерий один – преданность, – согласно кивнул головой Антон Антонович.

– Неужели есть еще действительно преданные люди? – с

сомнением на лице произнес Борис Гаврилович.

– Сам поражен. Причем предан не за миску еды, как дворовая собака, не за деньги, а по идейным соображениям.

– А как же это ты определил? – ехидно поинтересовался Михаил Самуэлевич.

– Ооо... Я целую операцию провернул, – с гордостью объявил Антон Антонович. – Все как нас когда-то в конторе учили. С подсадными красотками и денежными искушениями.

– Если с красотками, то я бы тоже не отказался, – усмехнулся Борис Гаврилович.

– Я его долго проверял: то одно задание подкину, то другое, а недавно провел выпускной экзамен. Послал в командировку в Стамбул курьера сопровождать. Ох, друзья мои, если бы вы знали, какого я выбрал курьера. Анджелина Джоли и Скарлетт Йоханссон ей в подметки не годятся. Специалист высочайшей квалификации. Ее даже ФСБ только к VIP-персонам посылает. Один раз успела соблазнить голливудского оscarоносного режиссера, пока его жена выходила в туалетную комнату носик попудрить. Ходят слухи, что именно она сделала то самое интимное видео с президентом одной очень важной страны, которым наши долгое время его шантажировали.

– Я знаю о ком ты, – Баба-Паваротти облизнулся как кот, мечтающей о свежей сметане. – Хорошо помню, когда первый раз ее увидел на каком-то приеме. И ведь кажется, ни-

чего особенного: ноги, руки, голова. А как взглянула... Да уж... Будто раскаленного свинца в грудь залили. Таких баб монахи-инквизиторы пятьсот лет назад сразу на костер отправляли.

– И правильно делали, – поддержал Михаил Самуэлевич. – Эти твари из мужчины могут полного зомби за пять секунд сделать. Знаем. Плавали... – раздраженно добавил он, видимо вспомнив что-то личное.

– Да не перебивайте вы, – остановил их Антон Антонович. – Заплатил я ей столько, что ой-ой-ой. Да и должна она мне была. Помог когда-то с одним мудаком разобраться, – Председатель пальцами смахнул со стола невидимую пыль. – Отправил я их вдвоем на задание. Трое суток дежурить у одного чемоданчика неразлучно. Чехонь держался как крепень. Соблазнить его удалось лишь в последнюю ночь. Но это не все. Я наших партнеров, турок, попросил подарить им какие-нибудь подарки. Часы, например. Лично им. Вроде как премию за хорошо сделанную работу по восточному обычаю. И вы знаете, этот овощ часы эти мне вернул, и бабу заложил. Да еще добавил, что она с помощью секса, по его мнению, пыталась его завербовать. Представляете? – Антон Антонович недоуменно развел руками. – После ночи с ней все мужики таяли, как пломбир в летний день. А этот...

– Вот гад. Его бы по-хорошему кастрировать надо, – презрительно сказал Борис Гаврилович.

– Ну если проверка плохо закончится, то его на зоне ка-

стрируют, – усмехнулся Председатель.

– Да уж вот кого не жалко, так не жалко, – мрачно добавил Михаил Самуэлевич. – Ну и народ у нас: гниды и стукачи. Бежать надо отсюда.

– А почему, Миша, ты как что, так сразу бежать? Неужели тебе на Родине хуже, чем с этими толерантными европейцами? Неужели они лучше?

– Лучше. Потому что зависти в них меньше. Так как привыкли только на себя рассчитывать, а не на благодетеля царя-батюшку. Европейец по ориентации может быть геем, но к соседу под забор говно из своего септика, как последний пидорас, не сливает. А наш добрейшей души человек сделает это и не поморщится. Да еще удивится, почему ты ему претензии предъявляешь.

– Да ведь там ты никому не нужен, – растягивая слова, низким голосом пропел Баба. – Обчистят до копейки и вышвырнут.

– Меня в родной стране родное государство столько раз обчищало, что со счету сбился. А нужен я ему здесь только для того, чтобы при случае можно было бы еще раз по моим карманам пошарить.

– Ну не прибедняйся, – снисходительно подытожил Антон Антонович, – ты свое давно вернул. И теперь для государства в твоих карманах даже соли не найдется. Так что, когда мы здесь все закончим, последний хрен народу придется без соли доедать.

Приятели дружно рассмеялись, и в это самое время в зал вошел Макар Олегович.

Разговор с ним прошел быстро и очень эмоционально. Председатель рассказал Чехони, что они с партнерами, посоветовавшись, решили доверить ему руководство компанией, потому что наступают новые времена, которые требуют новых людей в руководстве и новых подходов. Они в свою очередь с удовольствием введут его в курс дела, и он может взять к себе в помощники тех, кого посчитает нужным.

Во время разговора Антон Антонович медленно ходил вокруг вытянувшегося как на параде Макара. В завершении Председатель остановился перед ним и добавил:

– Все мы одна команда, а ты своей преданной службой доказал, что достоин этой работы.

Макар Олегович не смог удержаться. Слезы хлынули из его глаз, и от переизбытка чувств он упал на колени. Сквозь всхлипы можно было услышать лишь отрывки слов:

– Я для вас... ради этого... да я... Антон Антонович... друзья мои...

– Я двадцать лет за картежным столом, – тихо сказал Михаил Самуэлевич, когда будущий зиц-председатель вышел, – и по тому, как человек «здравствуйте» говорит, могу всю его биографию рассказать. Редкой мерзости это ваш субъект. Могу поспорить, что продаст он нас не задумываясь.

– Ничего ты в людях не понимаешь, – покачал головой Баба-Паваротти, – потому что всех людей своим аршином

меришь.

– Спорим, что я прав? – обиженно пробурчал старый картежник.

– Не спорьте, – Антон Антонович еще смотрел на дверь, в которую вышел Макар Олегович. – Для нас главное, чтобы был глуп и предан.

– От глупого, пусть даже преданного подлеца и мерзавца, проблем может быть еще больше, чем от умного врага, – недовольно проворчал Михаил Самуэлевич.

Через десять дней курс руководителя компании, который проводил Антон Антонович с новым руководителем, был закончен, и он вступил в должность. Неожиданное назначение вызвало среди сотрудников много слухов и домыслов. Но был один человек, который воспринял это как сигнал свыше и как призыв к действию.

Валентина работала в бухгалтерии. Сразу после последнего школьного звонка она пустилась на поиски мужа. И в этой суете не заметила, как стукнуло сорок. Недавно она ощутила, как сильно сократилось количество мужских взглядов. Иногда ей казалось, что мужчины и вовсе переставали ее замечать.

Валя поняла, что поезд с перрона тронулся и остался лишь шанс запрыгнуть в последний вагон. Она немедленно провела инвентаризацию возможных кандидатов и с удивлением обнаружила, что реальных претендентов в мужа у нее

нет. Было много приятелей, с которыми в разное время она крутила романы. Они и сейчас были готовы на необременительные встречи, но пойти под венец их нельзя было заставить и под дулом пистолета.

Нужна была свежая кровь. И как-то утром она обратила внимание на одного сослуживца, который работал в службе охраны. Валентина Ивановна навела справки, и оказалось, что Чехонь Макар Олегович никогда не был женат, живет один, вредных привычек не имеет, а значит отличный кандидат на место мужа. И тогда она немедленно включила все свои ресурсы, все свои знания на полную мощность.

Как-то давно Валя спросила у матери, в чем секрет ее долгого брака. На что мама, моя на кухне посуду, ответила:

– Первый раз, когда ты вольно или невольно унизишь своего мужа, он может просто обидеться. После второго раза заведет любовницу. Если ты сделаешь это трижды – он от тебя уйдет. Если, конечно, он мужчина, а не прирожденный неудачник и подкаблучник.

Матушка вытерла белым полотенцем вымытые тарелки и села на табуретку рядом с дочерью.

– Никогда не ставь перед ним невыполнимых задач. Он не волшебник, да и чудес не бывает. Лучше попроси сделать его какую-нибудь мелочь и, когда он это сделает, рассыпайся комплиментами, будто он слетал к звездам и привез тебе одну из них. Может со временем он сам захочет замахнуться на что-то серьезное. Лесть – лучший способ завоевать мужчи-

ну. Запомни: ни секс, который быстро приедается, ни вкусный борщ... а ежедневные простые комплименты.

Тогда она не поверила своей матушке. «Я – женщина, а не селекционер по выращиванию высокопородистых мужей. У меня на это нет времени. Мне нужен уже готовый. Но вот с комплиментами она, пожалуй, права».

Но со временем Валя поняла, что и насчет секса мама была права. Проще всего отпугнуть мужчину, изображая из себя женщину-вамп. Большинство мужчин – будь это плешивые пожилые холостяки или красавцы-любовники – на самом деле не любят сильных, роскошных, умелых и ненасытных в постели сексуальных женщин: они их боятся. Поэтому согласилась с мамой – лучшим способом завоевать мужчину является самая примитивная лесть. Действует она всегда и сбоек не дает.

Пока она искала подходы к новому избраннику, пришло известие о его небывалом карьерном взлете. Валентина поняла, что это знак. Нельзя терять ни минуты. Пара как бы случайных, но на самом деле до буквы выверенных комплиментов при умело подстроенных встречах в кафе на третьем этаже их офиса, сработали на сто процентов. Макар Олегович поплыл.

После того, как на него все это свалилось, он вообще перестал многое воспринимать реально. И внезапно вспыхнувший роман посчитал частью какого-то волшебного перевоплощения, которое он давно заслужил.

Проверка прибыла через две недели. Для него она была такой же неожиданной, как гром среди ясного неба. К такому он был абсолютно не готов. А Валя посчитала это еще одним знаком судьбы.

Она, в отличие от нового руководителя, прекрасно знала, как и откуда приходят в компанию деньги и куда они выводятся. Она с ума сходила, глядя на экране монитора на эти огромные суммы, понимая, что даже маленький процент от них может переместить ее из пыльного рабочего кабинета на широкие, дурманящие запахом цветущих каштанов и парфюмерных бутиков, парижские бульвары, на белоснежные пляжи Карибского моря, где мягко набегающая пенящая волна будет ласкать ее стройное загорелое тело.

План у нее созрел моментально. «Сейчас или никогда, – решила она. – Чтобы выйти замуж за богатого мужчину, надо его таким сделать».

Ее идея заключалась в полной сдаче проверяющей комиссии всех бывших руководителей. Чтобы ее будущий муж окончательно и бесповоротно занял их место. Сделать это надо было так, чтобы у соответствующих органов не было никаких сомнений в непричастности Макара Олеговича. И главное, результатом этой операции должно быть безусловное сохранение за ним места главы компании, как человека глубоко порядочного, стоящего на страже государственных интересов.

Всего за один вечер ей удалось внушить своему избран-

нику, что лучше него никто не справится с этой работой. Что он просто обязан это сделать, так как, по сути, вся его жизнь была лишь подготовкой к этому.

– Другого шанса показать всем, что ты не серая бездарная мышь, а настоящий лидер, способный возглавить нашу компанию, у тебя не будет, – твердила она ему.

И Макар Олегович поверил в себя.

Неделю члены комиссии не успевали фиксировать данные, которые предоставляла им Валентина. Они узнали все: счета в банках по всему миру, фамилии чиновников из правительства, которые помогали сначала выигрывать фиктивные тендеры, потом переводили деньги в компанию, а в завершении закрывали глаза на то, что заказ не выполнен, а средства куда-то исчезли.

В пятницу вечером все было закончено. В том самом зале для совещаний руководитель контрольной комиссии с восторгом тряс руку попеременно то Макару, то Валентине.

– Вы сделали невозможное. Вы нашли то, что пытались спрятать прежние руководители. Раскопали то, что казалось уже невозможно найти. И теперь... – он на секунду замаялся, – и теперь к настоящей проверке мы будем готовы на сто процентов.

– Вы о чем? – недоуменно спросила Валентина Ивановна.

Но руководитель комиссии не успел ей не ответить. В этот момент дверь открылась, и в зал вошли все три компаньона.

– Ну, кто был прав? – с триумфом произнес Михаил Са-

муэлевич. – Глупый мерзавец хуже умного врага. Жаль, что ты не дал тогда нам поспорить на что-нибудь серьезное. Ну что, Борис, теперь согласен с тем, что я победил?

– Да уж... Если бы ты не был таким перестраховщиком и это была бы настоящая проверка, нас бы уже везли в Матросскую тишину.

– Вот-вот. Поэтому бежать надо отсюда.

– Ну теперь-то мы хорошо подготовились и никаких проблем не будет.

– Кто знает, сколько у нас еще прячется таких жадных идиотов. Здесь надо кончать. Вы как знаете, а я сегодня же домой, в Лондон. А оттуда на острова. Жизнь коротка – не откладывая на завтра то, что нужно было сделать еще вчера.